

Живут во мне воспоминанья...

...Живут во мне воспоминанья,
Живут во сне и наяву.
Они тепло мое весеннее,
Моя мечта, мое везение,
Моя надежда и спасение,
Пока я помню, я живу.

Роберт Рождественский.

8 ноября 2009 исполнилось бы 100 лет моему отцу Дмитрию Андриановичу Овдину. Уже тридцать лет его нет с нами, и я сравнялась в возрасте с ним.

Появилось жгучее желание перелистать, хотя бы пунктирно, некоторые страницы его судьбы. Всплывают из архивов памяти и личные воспоминания. Стыдно признаться, но я и мое поколение, оторванное от корней и большой Истории (она начиналась для нас с 1917 года), мало интересовались даже своей ближайшей родословной, подробностями жизни родных. А они не спешили поведать нам о себе, потому что молодость и зрелость наших отцов и матерей пришлась на 30-50-е годы, эпоху тотального молчания: еще жива была память о «ежовщине», «бдительности», и витали вокруг живых тени поверженных «врагов народа». Не принимая лакированную историю Великой Отечественной, не могли они рассказать и всю жестокую правду о ней. Истинная правда не очень была востребована властью. Это Победа оказалась одна на всех, а война была у каждого своя. Воевавших с японцами (моему отцу достался Восток) вообще долгое время не считали участниками войны, их при жизни отторгли от единого фронтового братства, и лишь немногие, самые молодые, дожили до признания их фронтовиками. У них всю жизнь гвоздем сидели в мозгу вопросы: почему так плохо готовились к войне? Почему против немецких шмайсеров и японских пулеметов шли с мосинской трехлинейкой образца 1891 года? Почему в маньчжурском походе гибли от голода, ржавой селедки и чумы? Почему в летнем обмундировании спали в окопах и в окопных нишах, занавешенных попонами? Это позже после победных боев в районах Большого Хингана видели на улицах городов среди руин россыпь японских военных орденов на ленте. Но до этого надо было еще дожить. Так и унесли с собой наши отцы белые пятна личной войны на Западе и на Востоке. Из них и сложились белые пятна истории, которые сегодня с переменным успехом мы пытаемся раскрыть.

Есть у Евгения Евтушенко пронзительные слова, адресованные, наверное, каждому из нас:

Что знаем мы про близких, про друзей,

Что знаем о единственной своей?

И про отца родного своего

Мы, зная всё, не знаем ничего.

“7 классов – хорошее образование”

Нашего отца Дмитрия Андриановича Овдина хорошо помнит старшее и среднее поколение бичурян. Вся его жизнь была посвящена служению Бичурскому району.

Он родился в 1909 году в крестьянской семье в с. Малета, по тогдашнему административному делению Малетинской волости Петровск-Забайкальского уезда. Отец Андриан Александрович – участник первой мировой войны, пережил германский плен, мама Акулина Яковлевна Климова воспитывала шестерых детей. Трудно сказать, как удалось нашему папе окончить 5 классов сначала церковно-приходской, затем сельской школы (1917-1922 гг.). Старший из детей, он с 14 лет, как пишет в своей биографии, начал сезонно работать по найму в частных крестьянских хозяйствах (читай: у зажиточных земляков).

Неистребимое желание учиться привело его в Бичуру, тогда относящуюся к Малетинскому району, где открылась школа крестьянской молодежи (ШКМ). Нетрудно представить тяготы подростка, зимой пешком добирающегося из Малеты до Бичуры. Подвозили сердобольные попутчики на лошадях. В 1924-26 годах окончил 6-й и 7-й классы Бичурской ШКМ. Больше ему учиться не пришлось, о чем он сожалел всю жизнь. Отца с ними уже не было, надо было помогать матери содержать семью.

В 1924 году, пятнадцати лет, вступил в комсомол. Это был так называемый Ленинский призыв. Советская власть всколыхнула дремотную жизнь самых далеких окраин, каким был и Малетинский район: центр области находился в Чите. Только что организованный Райком ВЛКСМ, членом которого был и Дмитрий Овдин, активно создавал новые комсомольские ячейки. У себя в селе он был избачом и распространителем книг, а изба-читальня повсеместно являлась центром культурной жизни. Это была типичная жизнь первых комсомольских активистов. Проводились собрания, громкие читки, ставились спектакли и пьески, главным образом, антирелигиозного содержания, проводили воскресники в помощь семьям погибших партизан, агитировали за колхозы, обучали взрослых грамоте в пунктах ликбеза, **†крутили†** появившуюся позже кинопередвижку. Об этом мне в свое время рассказывали Калерия Ионовна Истомина и Ефросинья Владимировна Кузнецова, чья юность совпала с молодыми годами моего отца. Как они пояснили мне, грамотных людей можно было по пальцам пересчитать, и потому нашего отца после курсов книгораспространителей в городе Чита назначили избачом и военоргом. В семейном архиве сохранилось удостоверение о том, что Дмитрий Андрианович Овдин является военоргом РК ВЛКСМ и командирован в город Иркутск на месячный лагерный сбор краевых военных организаторов.

7 классов по тем временам – хорошее образование. Я всегда удивлялась: у папы был красивый почерк и писал он абсолютно грамотно, без ошибок,

изредка обращаясь ко мне по поводу пунктуации, но и знаки препинания интуитивно ставил правильно. Много читал, всю жизнь следил за политическими событиями, бурно обсуждая их. Дома у нас всегда были вороха газет и журналов. Все в семье – книгочеи. Чтение газет – это для отца был ежевечерний ритуал. Старались не мешать его занятию. Его собеседником, сколько помню себя, было и радио. Он и засыпал, не выключая его.

Всегда был в курсе событий – в районе, в республике, в стране. Никогда не замыкался в четырех стенах дома, его интересовало, что происходит в четырех частях света. Сам достаточно много писал в газеты о работе, об интересных людях.

Последняя статья об участнике Великой Отечественной войны Унагаеве вышла в свет через несколько дней после кончины отца...

Нас, детей, поражала его удивительно крепкая память на всё: события, имена, лица, в том числе и на стихи. Я, мои младшие братья и сестра, помним, как он услаждал наш слух чтением басен Крылова, стихов русских классиков, каких-то, наверное, дореволюционных авторов, неизвестных мне. Причем, со времен комсомольской молодости, агитбригад – фсинезлузников сохранил вкус к выразительному, если не художественному чтению. Те же басни разыгрывал по ролям. С живой, гибкой интонацией читал, например, некрасовское:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца.
Врите, врите, бесенята, -
Заворчал на них отец, -
Ох уж эти мне ребята,
Будет вам, ужо, мертвец.

А в детском воображении рисовался целый спектакль, где главным действующим лицом был несчастный утопленник, трогала его судьба. И еще был у нашего папы один дар, не знаю, врожденный или приобретенный десятилетиями публичных выступлений. Он был прекрасным оратором. Слушая его, невозможно было заснуть, как это иногда случается при слушании выступающих. Говорил аргументировано, лаконично, страстно. Его решительно невозможно представить с бумажкой в руках. План выступления набрасывал обязательно, однако, ни в какую шпаргалку никогда не заглядывал.

Встреча родителей

Но я забежала слишком далеко вперед. Тогда, в конце 20-х годов, он уехал работать в Читту, на Белоярский завод, где его, двадцатилетнего, вскоре изберут председателем завкома. Думаю, не последнюю роль в этом сыграли такие личностные качества как справедливость, живой интерес к людям и умение находить с ними общий язык. В 1931 году по рекомендации РК

ВЛКСМ он был призван на оперативную работу в органы, как тогда говорили, рабоче-крестьянской милиции. Прослужил до 1935 года, когда был на год призван на военную переподготовку в Особый корпус Дальневосточной армии (г. Николаевск). Свою семью – мать, братьев и сестер – еще в 1930 году, после повального раскулачивания в Малете, вывез в Улан-Удэ. Под топор репрессий попал его дядя, брат матери Николай Яковлевич Климов. Его 11 (!) детей разбросали по детдомам. Уже после реабилитации нашлись только трое старших, остальные потерялись навсегда.

Наша бабушка жила в Улан-Удэ по улице Балтахинова, 25, как раз напротив нынешнего Мемориала Победы. На одном дворе жил писатель Ц. Дон, ко времени моих сознательных лет он уже был расстрелян, но я помню его жену, подругу моей тети Нины, младшей папиной сестры. Неподалеку жил нарком земледелия Маркизов. О судьбе его дочери, Гели, олицетворяющей счастливое детство, думаю, знают многие из тех, кто постарше. Цветной портрет Сталина с бурятской девочкой на руках, был едва ли не в каждом доме. Был такой портрет и у нас. Атрибуты нашего детства – этажерка с книгами, синий патефон и множество тяжелых виниловых грампластинок на 76 оборотов. Пластинки папа привозил из поездок. Он любил и понимал музыку, виртуозно играл на гитаре, гармошке, балалайке. Всех детей родители отдавали в музыкальную школу или в Дом пионеров, за исключением меня, у меня были другие увлечения. Два младших брата отца – Елизар и Леонид были профессиональными музыкантами.

Дома с грампластинок звучали голоса Шаляпина, Руслановой, Утесова, позже Шульженко, блестящий дуэт забытых Бунчикова и Нечаева. Некоторые пластинки сохранились и сегодня.

После службы в Николаевске-на-Амуре, отец вернулся в Улан-Удэ. Здесь его направляют на работу в Бурят-Монгольской областной комитет Красного Креста на должность начальника медико-санитарного управления. Вскоре он был избран членом Президиума Обкома Красного Креста, и в его обязанности входила проверка состояния санитарно-оборонной работы районных комитетов Красного Креста республики. В 1936 году был делегатом 1-го краевого совещания Медсануправления Восточно-Сибирского крайкома Красного Креста, состоявшегося в Иркутске.

В это время и пересеклись дороги наших родителей. Мама, Софья Михайловна, к тому времени пережила немало горя. Похоронила трех детей от первого брака – двух мальчиков и девочку, которых она оплакивала всю жизнь. Семью раскулачили, выселили из Узкого Луга. Маму, тогда председателя Узколугского сельсовета, исключили из партии с формулировкой: Пьет молоко от кулацкой коровы. Семью разрушили и мама выехала в Улан-Удэ. После всех потрясений долго не могла прийти в себя, но наш отец так упорно, настойчиво и красиво ухаживал за ней, что в конце концов родилась новая семья. Не было предела их радости, когда на свет появился сын Юра, мой старший брат. И не было предела их горю, когда он умер от инфекции: тогда смерть повально косила детей. Там же, в Улан-Удэ, уже после Юры родилась и я. Росла слабым ребенком, и врачи посоветовали

ради меня выехать в сельскую местность. Так накануне войны наша семья оказалась в Бичуре.

Родители поступили на работу в райпотребсоюз. Папа еще в 30-х годах закончил 1-й выпуск курсантов группы шоферов, и его назначили начальником транспорта и хозяйства (так значится должность в трудовой книжке). Отсюда 22 июля 1941 года, через месяц после начала войны, в первый массовый призыв, он был мобилизован в Красную Армию. Провожали его, как и сотни других, от здания старой двухэтажной Бичурской средней школы. Служил в Монголии в 17-й армии, прославившейся вместе со своим командармом Г.К. Жуковым еще на Халхин-Голе. После войны их передислоцировали в Китайскую Народную Республику. Домой вернулся через 5 лет.

Уходил, мне было чуть больше года, а вернулся, когда я пошла в 1-й класс. Нам пришлось заново знакомиться. Но всю войну я знала, что папа в армии, получали от него письма-треугольники, а с 4-х лет я отвечала ему. Помню свои письма, написанные цветным карандашом, с одной стороны карандаш красный, с другой – синий. Мои письма – одно большое слово на листочке в клеточку, написанное печатными буквами сплошь, без пробелов между словами.

Уже говорилось, что до недавнего времени воевавшие в Монголии (пять-семь лет!), не признавались участниками войны. Теперь, когда свою монгольскую эпопею мне рассказали десятки ее участников, какая жуткая правда открылась нам и сколько, по их словам, мурцовки хватили они! Самыми добрыми словами вспоминали моего отца (он был старшиной) его однополчане Беляев Филипп Арьянович, Воронцов Павел Павлович, Тетерин Федор Пантелеймонович. Теперь все они унесенные ветром...

Счастливые послевоенные годы

ОКОНЧИЛАСЬ ВОЙНА. Ликование Победы улеглось, а многие трудности остались. На 50-е годы в стране пришелся демографический взрыв. Истосковавшиеся люди, словно наверстывая упущенные годы, обзаводились большими семьями, невзирая на возраст. У наших родителей трое послевоенных детей родились, когда маме было 40, 42 года, а третий Александр, появился на свет на сорок пятом году. Маме ежедневно приходилось ставить на стол 8 тарелок: четверо детей, с нами жили ее престарелые родители Михаил Иванович и Анна Демьяновна. Работая на производстве и живя более чем скромно, в те годы нанимали нянь, еще более бедных, чем хозяева. Те нянчились за пропитание, одежду и небольшую плату. Кажется, еще никто не сложил оды няням, добрым и сердечным. Стольким детям они помогли выйти из младенчества! Матери же разрывались между работой и семьей. Сейчас думаешь, как всё это они вынесли. Тогда и по работе строгости были запредельные. Попробуй опоздать на несколько минут, не перевесить ключ из одного ящика в другой – получишь статью. Редко ложились спать раньше двенадцати-часа ночи. Помню маму, склонившуюся за столом у керосиновой лампы за

бесконечными отчетами. А то за швейной машинкой: в магазинах – шаром покати, одежды детям купить было невозможно. Но почему-то думается, эти годы были самыми счастливыми для матери и отца. Все на глазах, набегаются и спят беспечным сном. Можно подойти, погладить, поправить сползшее одеяло, поцеловать, стараясь не потревожить. К тому же, мне кажется, нас воспитывать было легко. Мы были послушны (нам не надо было повторять просьбу два раза), непритязательны ни в еде, ни в одежде.

Тогда все ходили примерно одинаково, для школы было форменное платье, младшие донашивали одежду один за другим.

Несмотря на бедность, а то и нищету, в первые послевоенные годы были и свои радости. Самая большая радость ждала в декабре 1947 года, когда, наконец, вышло Постановление правительства «О проведении денежной реформы» и отмене карточек на продовольственные товары. В первую очередь на хлеб.

Не верилось, что свободно можно было купить и булку, и две, о чем мечтались людям долгие шесть с лишним лет, с июля 1941 года.

**Нелли Коробенкова,
наш внешт. корр.
Окончание следует.**